

хам. Попытки их этимологизации с позиций ряда языков оказались неудачными. См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. Для сравнения: у китайцев *гаотоу* – тяжелая мотыга. См.: *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. М., 1973.

⁵⁰ *Ямсков А.Н.* Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // Сов. этнография. 1986. № 5. С. 22–34.

B. Kh. K u c h m e z o v. Land cultivation among the Balkars

Up till now deeply enrooted in ethnographical science remains the ethnocultural stereotype of the Balkars which characterizes their main occupation as distant pasturing supplemented to some insignificant degree with land cultivation. The article's author refutes this opinion: on the basis of data from archaeology and ethnography, and having analyzed their land cultivation technologies (such as hill slope terracing, field irrigation systems, etc.) as well as their cults and ceremonials pertaining to land cultivation, he comes to the conclusion that the land cultivation tradition of this people is very ancient and is traceable in its roots back to the pastoral-agrarian cultures of the North Caucasus of the Bronze Age and Eneolithic.

© 2001 г., ЭО, № 1

Ю.В. И в а н о в а

ВОЗВЕДЕНИЕ ЖИЛОГО ДОМА И ОРГАНИЗАЦИЯ УСАДЬБЫ У НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На ранних стадиях развития человечества не только присваивающее, но и докпиталистические формы производящего хозяйства были органически включены в природные условия бытия. Вместе с тем деятельность человека влияла на состояние биосферы, вела к нарушению целостности природной среды: возведение жилого дома, усадьбы одновременно с хозяйственным освоением этой среды создавало новый – антропогенный – ландшафт. В процессе конструирования жилой (в более широком плане – поселенческой) среды большая роль принадлежит этнокультурной традиции, присущим данной культуре формам адаптации людских коллективов к природным условиям¹.

Наиболее надежные источники, служащие основой для рассмотрения заданной темы, относятся преимущественно к периоду от XVIII–XIX вв. до середины XX в. – времени резких, принципиальных изменений в жизни народов Юго-Восточной Европы, происходящих в их социальном строе, во всей системе ценностных ориентаций, когда этнокультурные традиции в значительной степени (хотя не абсолютно) уступали приемам строительной индустрии.

Естественно-географические условия Юго-Восточной Европы определили здесь сочетание нескольких хозяйственно-культурных типов (ХКТ), среди которых можно выделить три основных: высокоспециализированное пашенное земледелие – выращивание зерновых, плодовых и виноградных культур; отгонное скотоводство с сезонной вертикальной перекочевкой стад, преимущественно овечьих, с высокогорных летних пастбищ на низинные зимние (в специальной литературе этот ХКТ принято называть *трансюманс*) и морские промыслы на побережьях и островах².

Традиции основания поселений и распределения в них усадеб находятся в прямой связи с направлением хозяйства. Сельские жители были, образно говоря, «стихийными экологами»: условия существования принуждали их к рациональному использованию по мере возможности природных ресурсов. В Юго-Восточной Европе, как на материке, так и на островах, преобладает горный рельеф. Необходимая площадь для возведения

построек ни в горных районах, ни на плоскости не была безграничной. Приходилось учитывать земельные ресурсы для распашки земли под зерновые культуры, разведения садов и виноградников, а также пастбищные и лесные угодья и т.д. На горных склонах поселения располагаются посередине склона – там, где можно найти более или менее ровную площадку для возведения построек, защищенную от холодных ветров, где есть водоемы – ручьи, ключи, на тех склонах, которые наилучшим образом освещены солнцем. В горных долинах поселения жмутся к самой подошве горы, с тем чтобы занять как можно меньше площади, пригодной для возделывания. Проблема водоснабжения решается устройством колодцев.

Народный опыт выработал меры защиты поселений от стихийных бедствий. От разлива рек уберегались, возводя поселения на склонах гор выше возможного уровня затопления. На приморских низменностях, затопляемых во время паводка медленно текущими реками (как, например, на западе Балканского п-ова), поселения занимали вершины холмов на высоте приблизительно 100 м над уровнем моря³. Приморские поселения большей частью возникали в бухтах, на изрезанных береговых линиях восточного Эгейского побережья Балканского п-ова, на его юго-западном Ионическом и северо-западном Адриатическом побережьях. Например, историческая область Далмация еще на рубеже новой эры была известна как прибежище иллирийских мореходов – торговцев и морских разбойников. На небольших островах Эгейского и Ионического морей расположились городки рыбаков и мореходов. Жилая застройка в них несколько отступает от линии прибоя. Набережная с ее многочисленными причалами служит главной улицей города, на ней размещаются конторы и склады, торговые и увеселительные заведения, а жилые кварталы, если берег крут, всею поднимаются вверх по склону. В переводе с греческого выражение «идти в центр города» буквально звучит как «спускаюсь в город».

В горных зонах полуострова бедствия приносит сход снежных лавин, поэтому жилые дома и хозяйственные постройки располагают не под самым склоном, а на некотором расстоянии от него. Крыши домов специально сооружаются очень крутыми, чтобы на них не скапливалось слишком много снега.

Частые землетрясения вынудили строителей прибегать к особым приемам: углы каменных домов складываются из тщательно отшлифованных, плотно пригнанных друг к другу камней; в каменные стены – приблизительно на середине их высоты – закладываются деревянные горизонтальные балки, скрепляемые с каменной кладкой при помощи металлических скоб, которые выравнивают кладку и амортизируют при сотрясении почвы. Ныне во вновь возводимых домах вместо деревянных балок применяют железобетонные. В старой части г. Дубровника на Адриатическом побережье, сохранившейся с XVII в., по несколько жилых домов плотно прилегают друг к другу, образуя монолитный массив, устойчивый при землетрясении. Тот же прием – соединение построек в один блок – известен и на островах Эгейского моря.

В связи с разновидностью хозяйственной деятельности выработались два вида поселений: постоянные и временные. В зависимости от сезонных работ возникли летние и зимние временные поселения пастухов там, где практикуется отгонное скотоводство, летние временки на отдаленных полях в уборочную страду у земледельцев и т.п.

Корреляция пространственно-композиционного решения застройки с природными условиями и с вытекающим из них направлением хозяйства несомненна. Наряду с этими естественно-географическими условиями, переплетаясь с ними и выступая порой на первый план, действовали социальные и политические: перемещение населенного пункта из одного места в другое происходило или по воле феодалов (в позднесредневековую эпоху, которая в землях, принадлежавших Османской империи, затянулась до первой половины XIX в.), крупных землевладельцев (в последующие десятилетия) или же стихийно, когда крестьяне искали наиболее благоприятные условия для жизни либо пытались избежать конфликтных ситуаций⁴. Вот несколько примеров. В период османского давления на южные сербские земли массы крестьян переходили в более

северные области, поселялись среди лесов (местность Шумадия от сербск. *шума* – лес). Естественно, что и хозяйственная деятельность, и материалы для возведения жилых и надворных построек, и сам тип жилища отвечали условиям жизни в лесистой местности. Албанские поселения в XIV–XVIII вв. располагались преимущественно в холмистых зонах или на нижних склонах гор⁵. В середине XIX в. в период углубления внутреннего кризиса Османской империи отношения между властью и подданными ужесточились. Многие албанские крестьяне покидали родные пределы и поселялись высоко в горах, в местах суровых, но зато трудно доступных для османской администрации и ее карательных отрядов. В условиях высокогорья наиболее успешным видом хозяйства было отгонное скотоводство, его нуждам подчинялись организация усадьбы (содержание скота рядом с жилым помещением в одноэтажных постройках или в нижних этажах двухэтажных домов, место для хранения молочных продуктов и т.д.), обустройство постоянных и временных поселений. Горный рельеф диктовал необходимость разбросанного способа заселения местности, а постоянная военная угроза – особого типа укрепленного дома. Таким образом, имела место выраженная специализация жилого дома и крестьянской усадьбы. Организация общественной жизни на новых местах вела к возрождению сельской общины в типичных для албанцев формах.

Когда в землях, подчиненных Османской империи, намечалась некоторая экономическая и политическая стабильность, горцы переселялись в более удобные местности, основывали села ниже по склону и, наконец, у подошв гор. Характерное албанское народное выражение «спускаемся от ржи к кукурузе» указывает на желательное изменение в наборе основных зерновых культур⁶.

Жизнь людей доиндустриальной эпохи органически вписывалась в окружающий мир. Они настолько ощущали себя частью живой природы, настолько сживались с ней, что даже девичью красу сопоставляли с окружающими реалиями: лицо ее бело, как зерно, дважды просеянное, глаза черны, как трижды вспаханная пашня, а косы пускаются, как елочка в ущелье⁷.

Жилой дом был внутренним освоенным пространством, усадьба, непосредственно связанная с домом, – место повседневной деятельности его обитателей – переходным звеном к сельскому сообществу и одновременно к сельскохозяйственным угольям, которые являли собой более широкий круг освоенного пространства. В албанском языке есть понятие «сень дома» – двор, надворные хозяйственные постройки, сельскохозяйственные уголья, оросительные каналы, соединительные звенья – дороги, тропы – словом, все, что создано трудами человека и необходимо для его повседневного бытия⁸. Суеверное воображение населяет освоенное пространство добродетельными мифологическими существами, которые покровительствуют человеку, оберегают его поля и виноградники. За пределами этого пространства лежит дикая неосвоенная природа, там обитают сверхъестественные существа – хозяйва горных ущелий и перевалов, лесных чащ и горных источников. С ними можно поладить, проявив достаточно уважения и терпения⁹. А дальше – там, где на линии горизонта сходятся земля и небо, – властвуют враждебные силы, чудища, насылающие стихийные бедствия и всяческие несчастья¹⁰. Такого рода поверья, легенды сохранились в фольклорном фонде каждого балканского этноса, придавая специфическую окраску объективному процессу освоения людьми окружающего пространства.

Однако жизнь сельского коллектива нигде, даже в высокогорной зоне, не могла ограничиваться замкнутой территорией¹¹. Для нормального функционирования каждый населенный пункт, будь то компактное село, отдельно стоящий хутор или разбросанное поселение, должно было иметь налаженные связи различного вида с ближайшими соседями, городскими и сельскими рынками, административными центрами, культовыми пунктами (храмы, кладбища, почитаемые места и т.п.)¹². Интенсивность коммуникативных связей характеризовала уровень развития товарного производства: чем глубже становилось разделение труда между жителями городов и сел, между населением внутренних районов полуострова и приморскими зонами, между скотоводами

горных районов и землепашцами равнин, чем более развивалась ремесленная специализация отдельных местностей, в том числе отхожие промыслы, тем большее внимание обращалось на поддержание в порядке дорог, наведение мостов, обеспечение безопасности путников. Во времена Османской империи учреждались особые вооруженные отряды для охраны горных перевалов и других важных пунктов коммуникаций.

Рельеф местности определяет взаимное расположение усадьбы и сельскохозяйственных угодий: находятся они в непосредственной близости от жилого дома или же вдали от него. Организация самой усадьбы отражает местную традицию, в том числе не в последнюю очередь религиозную принадлежность хозяев. Особенно это бросается в глаза в зонах смешанного расселения христианского и мусульманского населения, например на юге Союзной Республики Югославия, в западных районах Республики Македония: усадьбы мусульман замкнутые, прямоугольной конфигурации, по их периметру расположены задняя стена жилого дома, лишённая окон или же снабжённая небольшими окошками подсобных помещений, и задние стены надворных построек; все остальное пространство огорожено глинобитной стеной выше человеческого роста. Ворота в этой стене массивные, покрыты черепичной крышей, иногда непосредственно у ворот сооружается небольшое строение для приема гостей. Все двери и окна жилых и хозяйственных построек направлены вовнутрь двора.

Расположенные в непосредственной близости усадьбы православного населения окружены невысокими заборами, не скрывающими внутреннюю жизнь семьи, дома своими фасадами повернуты в сторону улицы. Точно такое же различие наблюдается и в застройке городов центральных районов Балканского п-ова – в Македонии, в средних областях Албании, на северо-востоке Греции, частично в Болгарии: в старинных частях городов резко различается обустройство мусульманских и христианских кварталов. Современная городская застройка лишена этих особенностей.

Выбор строительных материалов для возведения жилых и хозяйственных построек в доиндустриальную эпоху напрямую зависел от окружающей природной среды, развития кустарного производства (обжиг кирпича, изготовление черепицы, стекольное дело и т.п.) и путей сообщения (для подвоза строительных материалов). Не в последнюю очередь учитывались предпочтения в традициях, соответствующих этнической культуре, а также господствовавшие в данной местности и в данной социальной группе мнения о том, какой дом наиболее комфортабелен, отвечает требованиям моды.

Древнейшие строительные материалы на Балканском п-ове – это дерево (бук, сосна, дуб, платан, ясень, кедр, кипарис) и камень. В Древней Греции в догомеровскую эпоху исходной формой жилого дома была деревянная постройка под плоской крышей с очагом посередине¹³. Архитектурные ордера, сформировавшиеся в классическую эпоху, в сущности повторяли в камне деревянные конструкции (вертикальные столбы и горизонтальные балки, поддерживавшие кровлю)¹⁴. Такие конструкции можно увидеть и в современных крестьянских постройках в отдельных местностях островной Греции¹⁵.

Деревянные постройки в некоторых районах Юго-Восточной Европы дожили до периода, переходного к индустриальному обществу: в южнославянских землях, в частности в болгарской Странже и в Северо-Западных Родопах, в сербских областях от Савы и Моравы до Дуная, в хорватских, в том числе в Славонии, у словенцев центральных и восточных районов страны, особенно в предгорьях Альп, в Боснии, в большинстве холмистых и горных зон Румынии, на севере Албании. Техника деревянных построек срубная и закладная. В лесистых областях Сербии, Боснии, Черногории, Хорватии и Словении получили распространение характерные срубные дома *бврнaры*¹⁶.

Постепенно леса сводились – для строительства, отопления жилищ, углежжения и других нужд. Молодые древесные ветви шли на корм скоту. В строительном деле бревна заменялись брусками, пилеными досками. Древесный материал долго оставался

необходимым элементом при возведении рамной конструкции, для сооружения кровель, межэтажных перекрытий, потолков и полов, пока его уже в XX в. не сменили железобетон, керамика, пластик, линолеум.

Другим древним строительным материалом был камень. Каменные постройки известны на юге Балканского п-ова со II тыс. до н.э.¹⁷ и оставались преобладающими вплоть до времени, когда в строительстве начал господствовать железобетон. В современной Греции дерево дороже камня: в богатых домах полы настилают дощатые, а в скромных строениях – покрывают плитами второсортного мрамора.

Такой простой, доступный материал, как глина, получил широкое распространение в домостроительстве южных славян, румын, албанцев при различной технике – от налета вальков до кладки сырцового кирпича. Глина применялась (и применяется до сих пор) для изготовления обожженного кирпича и черепицы; черепичные кровли стали со временем наиболее типичным покрытием.

В низинных болотистых местностях в качестве строительного материала использовался камыш.

Все перечисленные строительные материалы служат для сооружения простейших жилых построек (их в этнографической литературе именуют обычно «примитивными жилищами»). Простейшие постройки – это хижины из камня, плетня, деревянной рамы, заплетенной плетнем (обмазанным глиной или без обмазки), заполненной горизонтально заложенными или вертикально поставленными досками, под соломенной, камышовой, дранковой, каменной, черепичной крышей. Все они еще в XIX в., а кое-где и в первой половине XX в. были подсобными жилищами пастухов на пастбищах, землепашцев на отдаленных от сел полях, охотников и т.п. (такowymi служат и сейчас)¹⁸. «Скудость существования, – по мнению С.А. Арутюнова, – вынуждает к широкому адаптивному поиску»¹⁹.

Однако не всегда примитивные жилища являлись следствием бедности населения или неразвитости строительного дела. Своеобразны, например, землянки – характерное крестьянское жилище на Дунайской равнине – территории современных Болгарии, Румынии, Сербии (в том числе Воеводины). В этих безлесных местностях мягкие лесовые почвы были удобны для сооружения подземного или полуподземного жилища: оно защищало от сильных ственных ветров, было достаточно сухим и теплым. Двускатные крыши землянок и полуземлянок держались на столбах и покрывались соломой или камышом, поверх которых насыпали толстый слой земли и золы. В горных зонах стенки углубленных построек приходилось укреплять деревянными конструкциями и камнями, сложенными насухо или на глиняном растворе. В примитивных землянках скот находился вместе с людьми – за перегородкой, но бывали и просторные, хорошо оборудованные землянки с несколькими комнатами, обставленными мебелью²⁰.

В значительной степени примитивные простейшие жилища служили обиталищем для всей семьи не потому, что люди не могли (хотя бывало и так из-за крайней бедности) или не умели построить нормальный дом, а по прихоти землевладельца, который не разрешал крестьянам-арендаторам возводить на принадлежащей ему земле крепкие жилища, дабы держать их в постоянном страхе перед своей вооруженной дружиной. Да и сами арендаторы-издольщики, принадлежавшие к *райи* – бесправным подданным турецкого султана, которых землевладелец мог прогнать из своих владений, не имея уверенности в своем завтрашнем дне, не были заинтересованы в возведении хороших домов.

Таким образом, народный опыт освоения природной среды сталкивался с социальным укладом, а формы материального быта отнюдь не всегда развивались по прямой восходящей линии.

Постепенно в жилищном строительстве распространилась комбинированная техника: нижний этаж складывали из камня, верхний возводили из дерева или – чаще – рамной конструкции. Заполнения каркаса были самыми различными: от плетня, обмазанного с двух сторон глиной, до обожженного кирпича. Рамная конструкция получила со временем широкое распространение за исключением тех районов, где ка-

менное строительство отвечало природным условиям: на Далматинском побережье Адриатического моря, в Черногории, Северной Албании и в некоторых других местах. Каменная и деревянная строительные техники развивались параллельно.

Выбор строительного материала не всегда и не везде зависел только от наличия природных ресурсов. Например, в Северной Албании сельские жители вынуждены были сооружать крепкие дома ввиду часто возникавших межродовых и межобщинных конфликтов (при отсутствии государственного властного аппарата в пору господства Османской империи). Среди этих построек примечателен *чардак* (получил наибольшее распространение в XIX в.) – нижний этаж каменный, верхний – деревянный, под крышей из крупной драни. Позже, в пору массового применения более совершенного огнестрельного оружия (так называемого длинного ружья), пули которого были способны пробивать деревянные стены, пришлось сооружать дома целиком из камня²¹.

Исходная форма жилища древних насельников Юго-Восточной Европы – однокамерная постройка с очагом. Домашний скот находился вместе с людьми (не только как средство пропитания, но и для обогрева жилья). Выгораживание изолированного помещения для скота – первый шаг к усовершенствованию жилища. Далее шло увеличение жилых комнат. Во всех вариантах жилых домов, построенных в соответствии с традицией, имеется центральное помещение с главным элементом отопительной системы (очаг, камин, устье варистой печи и т.п.). Это помещение служило средоточием семейной жизни, его название на всех балканских языках означает собственно «дом»: болгарск. *къмта*, сербск. *кућа*, хорватск. *veža*, албанск. *shtëpi*, греч. *σπίτι*. У албанцев есть еще одно название, очень выразительное: «комната огня» (*dhoma e zjarrit*). Эта исходная форма известна в истории античной архитектуры под именем *мегарон*, со временем он стал центральным помещением храма, где место очага заняла статуя бога.

Опираясь на материалы XIX в., можно наметить типологию жилого дома, бытовавшего в Юго-Восточной Европе. Типы домов формировались в течение длительного времени под влиянием многих факторов: природных условий, направления хозяйства, социальных отношений, политических обстоятельств, представлений о качестве жизни, которое было напрямую связано с модой – с образцами домов, которыми были застроены главные политические и культурные центры²².

В Юго-Восточной Европе в обобщенном виде выделяются несколько основных типов жилых домов²³. «Средиземноморский тип» – каменный одно-, чаще двухэтажный дом с входом на второй этаж по внешней лестнице. На нижнем этаже находится хлев или иные хозяйственные помещения, на верхнем – жилье. Сформировался преимущественно в горной зоне в среде скотоводов.

«Паннонский дом» возник в равнинной местности, преобладает в зоне плужного земледелия. Одноэтажная (реже двухэтажная) постройка, прямоугольная в плане, имеет протянутую вдоль фасада галерею под свесом двускатной крыши, подпертой столбами. На нее выходят двери всех несмежных между собой жилых и хозяйственных помещений. Распространен в Воеводине, северо-восточных районах Хорватии, на паннонской части Словении и далее на восток в Румынии и Венгрии. Близкие к нему формы можно встретить в Средней Албании и в равнинных районах Греции.

«Левантский тип» дома характерен для островов Средиземного, Эгейского и Ионического морей и побережья Пелопоннеса. Дома, как правило, небольшие, но достаточные по объему для хозяйственных нужд тружеников моря – рыбаков, ловцов губок, собирателей прочих «даров моря», профессиональных моряков. Хозяйственные постройки зачастую соединены с жильем. Дома выстроены по большей части из камня и побелены. Их архитектурная особенность состоит в том, что они имеют два или полтора этажа, как бы сложены из отдельных архитектурных объемов, у каждого из которых своя кровля.

Новые представления о качестве жизни, повышающиеся требования к комфорту вели к дроблению внутреннего пространства жилого дома, выделению специальных

помещений для брачных пар, гостевой комнаты и др. Обобщая конкретные приемы усовершенствования планировки, следует заметить, что в низменных земледельческих районах оно шло более быстрыми темпами, чем в высокогорье: преобладавшее в горах скотоводческое хозяйство заставляло людей проводить большую часть времени при стадах, а меньшую – под крышей дома, поэтому скотоводы не предъявляли значительных требований к комфорту быта²⁴.

В османское время сложился культурный комплекс, который можно назвать балкано-малоазийским, так как его ареал занимает центральные области Балканского п-ова и Средиземное побережье Малой Азии²⁵. Традиции местного коренного преимущественно земледельческого населения встретились с навыками, переданными балканским народам политически господствовавшим над ними турецким этносом. Социальная верхушка Османской империи, полиэтничная по происхождению и однородная по культурным предпочтениям, впитала многие черты мусульманской переднеазиатской культуры. В результате сложился многообразный, многокрасочный мир балканских городов. Моды и престижные формы жизненного уклада шли от османов в среду балканских крупных землевладельцев, купцов и чиновников, от них – в жизнь торгово-ремесленного городского люда и далее – в массовую потребительскую, в том числе и в сельскую, среду²⁶.

Среди прочих бытовых черт этой категории сложился тип дома, который мы условно называем «ориентальным». Обычно это двухэтажная постройка: нижний этаж чаще всего складывался из камня, а верхний – рамной конструкции, иногда между ними сооружались еще антресоли, иногда – третий и даже четвертый этажи. Дом этот отвечал жизненному укладу городской семьи: внизу – кухни, кладовые, прочие хозяйственные помещения; выше – жилые комнаты; все этажи сообщаются по внутренней лестнице; самое примечательное – гостевое парадное помещение в нависающем над улицей закрытом балконе-эркере, поддерживаемом деревянными балками-кронштейнами. Этот архитектурный тип приобрел особенно интересные вычурные формы в Болгарии в эпоху Национального возрождения. Разнообразие архитектурных деталей и декора создавало ощущение психологического комфорта, что отвечало самим принципам той эпохи. В Болгарии такой дом именуется «возрожденческим», или «родопским», в Северной Греции – «архонтико». Ныне многие дома этого типа еще служат своим хозяевам, но заново уже не строятся.

Болгарские земли в период Национального возрождения (со второй половины XVIII в. и до конца 1870-х годов) испытывали экономический и культурный подъем: развитие производительных сил шло более интенсивно в области скотоводства и ремесел, т.е. в горных зонах, где возникали условия для накопления капиталов и зарождения промышленности. Естественно, что и усовершенствование жилища шло в этих зонах более быстрыми темпами, чем на равнинах. С конца XIX в. после обретения болгарами государственной самостоятельности большой экономической вес приобрело земледелие; именно в земледельческой Добрудже возникли наиболее сложные и развитые типы жилого дома²⁷.

Совершенно особый тип пространственного решения в организации жизни семейного коллектива являли собой дома и усадьбы, приспособленные для обороны на случай угрозы. Безопасности людей угрожали межродовая и межобщинная вражда, кровная месть, ненасытная грубая власть османов, междуусобные войны феодалов (порой принимавшие вид межконфессиональных столкновений), разбойные нападения, неизбежные при политическом хаосе в стране. Еще в XVIII – начале XIX в. по всему западу Балканского п-ова, от Боснии до южных оконечностей Пелопоннеса, возвышались каменные башни (распространенное тюркское название *кула*, по-гречески – *пиргос*, то и другое означает «башня»). Теперь они остались кое-где на юге Югославии (в областях Косово и Метохия), в Северной Албании и в области Мани на юге Пелопоннеса, т.е. у тех этнических групп, жизнь которых дольше, чем у других, оставалась изолированной от внешнего мира и подчинялась социальным законам общинного и феодального уровней²⁸.

Наиболее известный вариант кулы – трехэтажная постройка, сложенная из камня, крытая каменными плитками, с небольшими окнами-бойницами, которые в момент опасности закрывались изнутри плоскими камнями, и с нависающими на уровне третьего этажа машикулами. При угрозе нападения в нижний этаж загоняли скот, на втором этаже располагались жилые помещения, где находились женщины и дети, на верхнем – мужская (она же гостевая) комната, в которой хранилось оружие и из которой через машикулы можно было вести ближний и дальний бой. В нижнем этаже находился резервуар с водой, со второго был устроен слив использованной воды. Ни конца деревянного стропила, ни оконного переплета не выдавалось из сплошной серой каменной кладки стен. Все, что составляло жизнь: жены и дети, родичи и друзья, припасы и скот, вода и топливо, – было собрано внутри этих холодных стен. Вне их – враждебный мир; в него можно было только посылать пули да еще сливать использованную воду и вываливать отбросы.

В албанских землях самые старинные кулы датируются XIII в. В некоторых местностях они представляют собой мощные многоугольные строения, зачастую к основной башне примыкает небольшая пристройка для повседневной жизни семьи²⁹.

На Эгейских островах сложился иной тип укрепленной усадьбы: на склонах гор или холмов, обращенных к морю, небольшие каменные дома и надворные постройки отгораживали сложенной из дикого камня стеной, так что при взгляде со стороны моря они сливались с горными склонами. Такой способ защиты выработался за долгие годы неспокойной жизни: многочисленных военных столкновений, набегов морских пиратов и т.п.

Башнеобразные укрепленные постройки известны на Кавказе³⁰ и в других зонах эйкумены³¹. Совпадение типов жилых построек в разных географических и культурных ареалах указывает на конвергентность развития в сходных природных и социальных условиях³². Суть такого сооружения – в максимальной концентрации всего жизненного комплекса под одной крышей. Если дом-башня возник под давлением общественно-политических обстоятельств, то при других условиях концентрация выглядит иначе: в альпийском типе (в Юго-Восточной Европе он встречается в Словении), где она связана с условиями жизни в горной местности при значительных снегопадах, дом с широкими въездными воротами в нижнем этаже, балконами, протянутыми вдоль верхних этажей, полностью открыт для посторонних глаз.

Культура всегда динамична. Формы, приобретенные в результате стремления к престижным моделям, моде, шедшей от референтных групп, угачиваются быстрее, чем те, которые порождены природными условиями и хозяйственной необходимостью. Ныне дома ориентального типа не возводятся заново. Они в конце концов или обветшают и исчезнут (когда-то пышный квартал Фанар, где обитали греки – всемогущие помощники султана в период расцвета Османской империи, превратился в убогий приют бедноты в старой части Стамбула), или будут сохранены в качестве музеев, что и происходит ныне в Тырново, Охриде, Приштине и других городах.

Наиболее оптимальным вариантом жилого дома в условиях XIX – первой половины XX в. оказался так называемый балканский дом: двухэтажный, под четырехскатной черепичной крышей. Особенность его – обширный балкон, который, занимая значительную часть верхнего этажа, располагается под крышей дома, поддерживаемой деревянными столбами³³. Именно такой дом наиболее удобен для обитателей теплой зоны полуострова. Он может образовывать множество вариантов и перешел из традиционного бытового круга в современное домостроительство. Например, в современной Албании все новые сельские дома (одноэтажные) снабжены большим открытым пространством под крышей дома, занимающим одну четверть или одну шестую полезной площади. Одна дверь выходит на парадный двор-палисадник, другая (расположенная напротив) – на задний хозяйственный двор. Увеличение полезной площади достигается за счет смены прямоугольного плана на «Г»-образный, в результате чего крыша становится шестискатной.

В современном многоэтажном домостроительстве Греции прочно утвердился бал-

кон, опоясывающий весь этаж: несущие вертикальные стены отступают от края межэтажных перекрытий, освобождая место для балкона (возводимый дом в процессе строительства напоминает этажерку: на вертикальный каркас здания «насаживаются» межэтажные плоскости). Очевидно, обоснованно мнение С.А. Арутюнова: «Наряду с сохранением одновременно возникших традиций прошлого, т.е. ретроспективным полиморфизмом, важным средством сознания культурной избыточности является перспективный полиморфизм, т.е. полиморфизм, рождающийся сегодня и обращенный в будущее»³⁴.

Коллективная адаптация к местности, т.е. приспособляемость к реальным условиям, закрепленная в традициях, порой воспринимается ее носителями как признак «своей», отличной от других культуры.

В традиционном жилище были продуманы разные детали быта – например, создавались необходимые емкости для запасов питьевой воды: на островах, где мало природных источников, резервуарами для сбора дождевой воды служили плоские крыши, обрамленные невысоким бортиком; в албанском городе Гирокастре, расположенном на крутом горном склоне, дождевую воду собирали в особые цистерны, выдолбленные в скалистом грунте³⁵.

Чрезмерная инсоляция вредна, поэтому в архитектурных решениях жилых домов предусматривалась защита зданий от попадания прямых солнечных лучей: навесы, галереи перед входом. В центральных районах полуострова, особенно в городской застройке, дома старались расположить таким образом, чтобы между ними оказалось замкнутое пространство двора с затененными уголками (там обычно высаживали много декоративных растений в грунте и в вазонах), создавали максимум уюта. Это планировочное решение современной застройки близко напоминает древний ее тип, сложившийся в эллинистическую эпоху: дом представлял собой комплекс строений, расположенных вокруг обнесенного колоннадой дворика. Достигалась максимальная затененность жилых комнат, создавалось открытое пространство для времяпрепровождения и отдыха³⁶. Внутренние дворики характерны и для станинных городов Далматинского побережья, архитектура которых испытала сильное влияние итальянских градостроительных приемов.

Слово «дом» в балканских языках имеет собирательный смысл, включающий широкий понятийный ряд: жилая постройка, усадебный комплекс, состоящий из жилья и хозяйственных помещений; место обитания и жизнедеятельности семейного коллектива; сам семейный коллектив – единица общественной организации, носитель достоинств и недостатков в глазах общественного мнения (ср. «домочадцы» в русском языке). Воедино сливались практические навыки человека и его эмоциональные восприятия, что неоспоримо подтверждается памятниками устного и изобразительного народного творчества³⁷.

Прагматические задачи при возведении и эксплуатации жилого дома неизбежно сочетались с мифологическими представлениями. Магические приемы имели одну цель – придать «крепость» строению не только в буквальном, но и в переносном смысле, точно так же как любому важному сооружению – оборонительной крепости, мосту и т.п. Согласно древним преданиям, с этой целью приносили человеческие жертвы, позже места закладки строения окропляли кровью жертвенного животного и, наконец, стали закладывать под первый камень деньги³⁸.

Возведенный дом как материальный объект и как семейный коллектив, в нем обитающий, по народным поверьям, должны охранять сверхъестественные силы. У многих балканских народов мифический охранитель дома представляется в образе змеи³⁹ (змеи действительно водятся в каменных фундаментах построек).

Центр семейной жизни – очаг, первоначально – открытый огонь. Логически обосновано возникновение культа домашнего очага как одного из видов почитания огня⁴⁰. Множество обрядовых действий сложилось у народов Юго-Восточной Европы вокруг ритуала вселения семьи в новый дом: туда надо было перенести огонь из прежнего жилища, что и выполняла старшая в семье женщина (ср. известное выражение

«хранительница семейного очага»), «угостить» новый очаг медом или другими сладостями, совершить прочие умиловительные действия. Характерно название выморочной семьи, рода – «погасший очаг»⁴¹. Выразительны бранные пожелания в албанском языке: «Чтоб потух твой очаг!», «Чтоб вырос сорняк на очаге!», «Чтоб не возросло дитя у очага!»⁴².

Освещенность солнцем освоенного пространства была очень важным условием для успешного выращивания сельскохозяйственных культур и для жизни людей. Неслучайно окна, входные двери, крытые веранды везде, где позволяет рельеф местности, обращены к югу. В Юго-Восточной Европе – одном из древнейших центров возникновения земледелия – более, чем в других европейских областях, развилась обрядность соляного культа⁴³. Зачастую на жилых домах, обычно при входе в них, ставились соляные знаки (например, на камнях дверного косяка): крест, круг, крест или розетка в круге и т.п.⁴⁴

Ни один из охарактеризованных типов домов не является достоянием одного какого-либо этноса, их изопрагмы пересекают этнографические границы и, более того, выходят за пределы историко-этнографической области Юго-Восточной Европы. Это вполне понятно: типы домов, как и усадеб, сопряжены в первую очередь с хозяйственно-культурными типами, а последние не замыкаются ни на этнической территории, ни в границах историко-этнографической области⁴⁵.

Имеют ли данные реалии – возведение жилого дома и организация усадьбы – значение для характеристики жизни конкретного этноса? Включаются ли они в понятие этнической культуры? Не вдаваясь в теорию генезиса этнической культуры и тем более в ее дефиницию (что не входит в задачи данной статьи), по отношению к народам Юго-Восточной Европы и к избранному отрезку времени следует ответить на эти вопросы утвердительно. Суть такого включения состоит в концентрации на этнической территории того или иного типа дома, усадьбы, поселения, в предпочтении данного типа и в эмоциональном восприятии его как «своего, национального»⁴⁶, а такое восприятие есть одно из выражений группового сознания.

Примеров в представленных материалах можно найти множество: это родопский (возрожденческий) тип дома, возведенный в символ в Болгарии, хотя варианты его известны в Македонии и Северной Греции; это тип жилой башни-кулы, принимаемый за типичный для Косово и Метохии, хотя башнеобразные жилища бытуют и в других местностях; левантский дом воспринимается как типично греческий, хотя турки-киприоты пользуются таким же. Бытовое использование внутренних помещений имеет этнический характер, связано в первую очередь с организацией семейной жизни, а внешний и внутренний декор – с устоявшимися художественными вкусами (все это включается в понятие традиционного образа жизни). Наконец, весь словарный запас, касающийся данного культурного комплекса, принадлежит языку одного этноса.

Некоторые исследователи предлагают различать термины «этническая культура» и «культура этноса», относя ко второй категории комплексы с включениями иноэтнического происхождения («инновация», «адстрат», «суперстрат» и т.п.)⁴⁷. Автор настоящей статьи не поддерживает такое различие: любая этническая культура в процессе своей жизнедеятельности никогда не обходилась без взаимодействия соседствовавших или социально господствовавших этносов. «Чистых» этнических культур нет (за исключением, может быть, редкостных изолятов вроде некоторых групп индейцев Амазонии). Особенно это относится к народам Юго-Восточной Европы, которая на протяжении всей известной нам истории была местом встречи нескольких разных по генезису культур и языков.

В настоящее время жилищное строительство в Юго-Восточной Европе в значительной степени индустриализировано – не только в городах, но и в сельской местности. Однако ни один этнос не живет целиком в мире общеевропейской интернациональной культуры. В реальной жизни традиционная этническая культура не исчезает бесследно, она взаимодействует с элитарной культурой, отвечающей современному уровню производства, образуя самые различные формы и варианты, в том числе и

в области домостроительства. Именно эти формы и варианты и составляют культурные особенности современных этносов, без них цивилизация обречена на стагнацию и обезчеловечивание.

Примечания

¹ О культуре как адаптивном механизме преобразования среды см.: Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 84–92; Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 8, 9, 20, 21, 149–167, 287–301; Козлов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы. М., 1994. С. 50, 65–94, 171–177.

² Ивановна Ю.В. Историко-этнографическая область Юго-Восточная Европа и ее хозяйственно-культурные типы // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1994. № 2. С. 41–57; Бродель Ф. История моря и суши // Европейский альманах. 1997. М., 1998. С. 7–13.

³ Будина О.П. Поселения и жилище Северной Албании (XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 10–12; *ee же*. Поселения Северной Албании как этнографический источник // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Докл. и сообщ. сов. делегации. М., 1974; Muka A. Përvvoja popullore në ndërtimin e banesës // Kultura popullore (далее – Kultura). 1989. № 2. F. 62–63.

⁴ Цвијић Ј. Балканско полуострво и јужнословенске земље. Београд, 1922. С. 112–248.

⁵ Riza E., Thomo P. Karakteri dhe tiparet e vendbanimeve dhe të banesës fshatare shqiptare në shek. XIV–XVIII // Kultura. 1983. № 2. F. 134.

⁶ Ibid. P. 124, 134.

⁷ Песни южных славян. М., 1978. С. 32.

⁸ Памятники обычного права албанцев османского времени. М., 1994. С. 89. § 132, 133.

⁹ Турта М. Культы природы у албанцев и их параллели в балканских древностях // ЭО. 1998. № 4. С. 63–69.

¹⁰ Георгиева И. Сакральные места болгарского села // Традиционные этнические культуры и народные знания. М., 1994. С. 28, 29.

¹¹ Подробнее см.: Ивановна Ю.В. Северная Албания. М., 1973. С. 58.

¹² Саксида И. К вопросу о смысле границ. Организация и признание окружающей среды в деревне Супер (Истрия) // Традиционная этническая культура... С. 105–107.

¹³ Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней. Т. I. Ч. 2. М., 1875. С. 177, 179.

¹⁴ Полевой В.М. Искусство Греции. Древний мир. М., 1970. С. 113, 114, 125.

¹⁵ Ивановна Ю.В. Народное жилище Греции // Типы сельского жилища у народов Зарубежной Европы. М., 1967. С. 122, 124, 125. Рис. 3.

¹⁶ Каиуба М.С. Типы народного жилища Югославии в XIX в. // Типы сельского жилища... С. 73–76. Рис. 2; Будина О.П. Народное жилище Северной Албании (деревянные постройки) // Культура и быт народов Зарубежной Европы. М., 1967.

¹⁷ Вейс Г. Указ. раб. С. 172–181; Полевой В.М. Указ. раб. С. 172.

¹⁸ Будина О.П. Народное жилище албанцев // Типы сельского жилища... С. 106–111; Каиуба М.С. Указ. раб. С. 70–73.

¹⁹ Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // ЭО. 1993. № 4. С. 48.

²⁰ Салманович М.Я. Типы румынского народного жилища // Типы сельского жилища... С. 36–40; Маркова Л.В. Типы сельского жилища в Болгарии // Там же. С. 14; Каиуба М.С. Указ. раб. С. 70–71.

²¹ Будина О.П. Народное жилище албанцев. С. 70, 71.

²² Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М., 1972.

²³ Подробное описание типов см.: Ивановна Ю.В. Историко-этнографическая область...; также см.: Полевой В.М. Искусство Греции. Новое время. М., 1975. С. 33–41, 60–101.

²⁴ Krasniqi M. Shtëpia shqiptareve në Kosovë // Gjurmime albanologjike. Folklor dhe etnologji. Prishtinë, 1971. F. 23.

²⁵ Ивановна Ю.В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 164–194.

²⁶ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 174–178.

²⁷ Маркова Л.В. Указ. раб. С. 22, 26, 34.

²⁸ Каиуба М.С. Указ. раб. С. 96–98. Рис. 10; Krasniqi M. Op. cit. P. 37–45.

²⁹ Рамадани С. Народное жилище Северной Албании (долина реки Мати) // Сов. этнография. 1955. № 4. С. 79–96; Красниќи М. Кула у Метохији // Гласник Етнографског института САН. VII. Београд, 1958. С. 47–68; Riza E., Thomo P. Op. cit. P. 128–131. Tabl. III, IV. Fig. 5; Gestner O. Albanien. Wien; Leipzig, 1913. S. 14–21.

- ³⁰ *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 182–184.
- ³¹ *Джандиери М.Н., Лежава Г.И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.
- ³² *Кобычев В.П.* Тип и ареал: проблемы вычленения и функционального соотношения // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С. 86–87.
- ³³ *Цвијит Ј.* Указ. раб. С. 344–367.
- ³⁴ *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение... С. 49.
- ³⁵ *Kadare I.* Kronikë në gur. Prishtinë, 1976. F. 5–13.
- ³⁶ *Полевой В.М.* Искусство Греции. Древний мир. С. 261.
- ³⁷ *Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира (по материалам балканских загадок) // Семиотика культуры. Тр. по знаковым системам. Вып. X. Тарту, 1978.
- ³⁸ *Будина О.Р.* Народное жилище Северной Албании. С. 100; *Арнаудов М.* Студии върху българските обреди и легенди. Т. II. София, 1972. С. 221–460; *Kënge popullore legjendare.* Tiranë, 1955. F. 3–18; *Nushi J.* Mitologji e besime në Muzeqe // Etnografia shqiptare (далее – Etn. shqip.). 1994. № 5. F. 318.
- ³⁹ *Златковская Т.Д.* Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 185–202; *Песни южных славян.* С. 9–10, 60–82, 429–432; *Kulisič S.* Značaj slovensko-balkanske i kavkaskе tradicije u proučavanju stare slovenske religije // Godisnjak–XI. Sarajevo, 1973. S. 109–120.
- ⁴⁰ *Иванова Ю.В.* Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев (далее – Исторические корни). М., 1983. С. 116–130.
- ⁴¹ *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. СПб., 1886. С. 77–79.
- ⁴² *Dojaka A.* Enë dhe orendi të Dukagjinit // Etn. shqip. 1962. № 1. F. 110.
- ⁴³ *Иванов Вяч.Вс.* Солярные мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 461–462; *Иванова Ю.В.* Следы солярного культа // Исторические корни. С. 105–115; *Tirta M.* Elemente të kulteve ilire të shqiptarët (kulti i diellit) // Etn. shqip. 1974. № 4.
- ⁴⁴ Παπαμιχαήλ-Κουτρούμπα Α. Τεχνή και ἄμφ. Τ. I. Αθήναι, 1980.
- ⁴⁵ *Иванова Ю.В.* Историко-этнографическая область... С. 45, 47, 51, 53.
- ⁴⁶ С.В. Чешко также полагает, что члены этнической общности объединены посредством представлений о специфичности своей культуры (*Чешко С.В.* Человек и этничность // ЭО. 1996. № 6. С. 41, 45). Также см.: *Пименов В.В.* Системный подход к этносу // Расы и народы. Вып. 16. М., 1986. С. 13, 19.
- ⁴⁷ *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 22, 23.

Yu.V. Ivanova. Dwelling house construction and farmstead organization among the peoples of South-East Europe

While setting up their settlements, distributing farmsteads in them and constructing their dwelling houses the rural and urban people of South-East Europe are obliged to take into consideration both natural conditions (protection against natural calamities) and direction of economic activities (correlation between the building site areas, forests, arable lands etc.). The arrangement of a rural or urban farmstead reflects the specific features of family life as dependent of the religious belonging of its owners (Christians or Muslims). The types of dwelling houses started from some initially common forms and grew more elaborate in step with the mastering of models borrowed from prestige cultures. Each concrete type of a settlement, farmstead or a dwelling house is not the property of any one single ethnos but nevertheless it should be included into the description of an appropriate ethnic culture, for in an ethnic territory this or that traditional of the said culture type is concentrated and all the vocabulary pertaining to the presently discussed cultural complex does belong to the language of one single ethnos.